

Копипаста: Владимир Сорокин — Lurkmore

Сахарный кремль. Кабак

Питейный дом «Счастливая Московия» на углу Неглинной и Малого Кисельного, принадлежащий крещеному еврею Абраму Ивановичу Мамоне, к восьми часам вечера уж полон разнообразнейшей публики.

Кого только не встретишь здесь! Земские копченые с опальной Трубной улицы и прилежащих переулков, мокрые наемники с трудовой биржи, целовальники из закладных контор Самотеки, учащиеся старших ступеней ремесленного училища № 78, студенты архитектурного института, китайцы с Троицкого рынка, отставные клоуны и акробаты с цирка на Цветном бульваре, спивающиеся актеры из театра Теней, торговки из соседних лавок, бульварные проститутки, наутилусы, палачи, глупенькие, сбитеньщики, калашники и просто пьяницы.

...
Мелькает-перекачивается в дыму табачном какой-то [Пургенян](#), как говорят, известный надуватель щек и испускатель ветров государственных, бьют друг друга воблой по лбу двое дутиков, [Зюга](#) и [Жирия](#), шелестит картами краплеными отставной околоточный [Грызло](#), цедают квасок с газом цирковые: штангист [Медведко](#) и фокусник [Пу И Тин](#), хохочет утробно круглый дворник [Лужковец](#), грустно кивает головою лотошник [Гришка Вец](#), над своим морковным соком склоняясь.

С воплями-завываниями вбегает в кабак [Порхановна](#), известная кликуша московская. Толстопуза она, кривонога, нос картошкой, сальные пряди над угреватым лбом трясутся, на груди икона с Юрой Гагариным сияет, на животе за кушаком поблескивает позолоченный совок. Встает Пархановна посреди кабака, крестится двумя руками и кричит что есть мочи:

- Шестая империя!! Шестая империя!!!

- Иди поешь!- успокаивают ее ремесленные.

В зловонном углу, где сидит местная земщина, подкопченная опричниками, крутится семейство балалаечников [Мухалко](#). Шустрые это ребята, оборотистые, веселить и деньгу выжимать умеют. Говорят, когда-то в шутках кремлевских ходили, но потом их за что-то оттуда опендалили.

...
Вот распаивается дверь, входит злобно-приземистый, небритый, красноглазый затируха площадной [Левонтий](#). Хрипит: - Однако, здравствуйте! - Однако, пшел на х !- в ответ доносится.

Скрипит зубами Левонтий, сверкает глазками красными, разворачивается, уходит. Не всех, ох, не всех привлекают в «Счастливой Московии»!

А «Счастливая Московия» продолжает пить, шуметь и бурлить до трех часов ночи. Едва пробьют часы 3:00, половые всех рассчитают, уйдут, уступая место крутоплечим вышибалам-ингушам. Те электрическими метлами потеснят подзагулявшую публику к выходу.

И неизменно ровно в 3:12 закроются двери "Счастливой Московии", чтобы в 18:00 распахнуться сызнова: добро пожаловать, гости дорогие!

Первый субботник. Обелиск

— Я... я каждый месяц делаю отжатие из говн сока. Папаничка, родненький, я каждый месяц беру бидон твой, бидон, который ты заповедал. И во второе число месяца я его обтираю рукавицею твоей. И потом мы, потом каждый раз, когда мамочка моя родная опраться хочет, я... я ей жопу над тазом обмою и потом сосу из жопы по-честному, сосу и в бидон пускаю... — А и сосет-то она, Колюшка, по-честному, из жопы-то моей сосет по-честному и в бидон пускает, как учил ты ее шестилетней! — перебила Галина Тимофеевна, трясясь и плача. — Она мне сосет и сосала, Колюшка, и родненький ты мой, сосала и будет сосать вечно! — Потом... потом я каждый день, потом, я когда мамочка хочет моя родная опраться, я сосу у нее из жопы вечно, — продолжала дочь, еще ниже опуская голову и начиная вздрагивать. — Я потом когда бидон наполнится, я его тогда на твою скамейку крышную поставлю, на солнце, чтобы мухи понаесли и чтобы червие завелось... — А и чтобы червие, червие белое-то завелось! Чтобы червие завелось, как надобно, как ты наставил, Колюшка! — причитала старушка. — Потом я дождусь, пока червие заведется, и обяжу бидон рубашкою твоей натальной, а потом в углу твоём постоит он и с червием... — А и с червием, червием белым-то постоит, чтоб хорошо все, как ты заповедал, Колюшка! — Постоит, папаничка, постоит, чтобы червие плодилось хорошо... — А и чтобы плодилось-то червие ладно, чтобы плодилось-то, чтоб поупрело все ладно, Колюшка ты мой! — После, папаничка, мой родненький, постоит бидон семь дней и дух пойдет, — вздрагивала плечами и всхлипывала дочь, глядя себе под ноги. — И тогда мы откроем со родной мамочкой бидон и там все полным, потому как наелись... — А и наелись-то, наелись, червие-то наелось говнами моими, Колюшка! А и наелись они и как ты заповедал, все мы исделали как надо! — Потом родная моя мамочка марлицу мне поручает, я эту марлицу-то обяжу вкруг бидона, а потом переверну его и над другим твоим бидоном поставлю. И так вот делаю отжатие из говн сока у родной мамочки моей... — А и делает отжатие говн моих, Колюшка, делает все как надобно, родненький ты мой! — После, родной мой папачка, когда сок говн отойдет к вечеру, я раздеваюсь, становлюсь на колени перед фотографией твоей и из кружки твоей заповедной пью сок говн мамочки моей родной, а мамочка бьет меня по спине палкою твоей... — А и бью ее палкою твоей, Колюшка, бью со всей моченьки, а она сок говн моих пьет во имя твое, Колюшка, золотенький ты мой! — И так я каждый третий день пью сок говн мамочки моей родной, пью во имя твое, родной мой папаничка... — А и пьет она

каждый третий день все как надобно, все пьет по-честному, Колюшка ты мой! — Дорогой папаничка, я пила, пью и буду пить, как ты велел, как ты велел, родной мой... — А и пила она, Колюшка, пила и будет пить по-честному, родненький ты мой! Во имя твое светлое будет пить сок говн моих, я тебе крест святой кладу.

Сергей Андреевич

Небольшая кучка кала лежала в траве, маслянисто поблескивая. Соколов приблизил к ней свое лицо. От кала сильно пахло. Он взял одну из слипшихся колбасок. Она была теплой и мягкой. Он поцеловал ее и стал быстро есть, жадно откусывая, мажа губы и пальцы.

Норма

Июнь, пиздец, разьёба хуева!
Насрать на жопу Волобуева!
Ебать блядей в пизду и в рот!
Говно всем класть за отворот!

Зашарили по карманам. Женька вдруг замер, открыл рот: — Еб твою мать! Он осторожно вытащил из кармана куртки растопыренную пятерню. Пальцы были выпачканы в норму. Женька обиженно чмокнул: — Во, бля,.. я ж выложить не успел... а этот хуй меня ногой. Пакет разорвался. И она жидкая была, хоть пей... Он держал руку перед собой. — А может не вся вытекла! — робко спросил Сергей. — Да какой там... — изгибаясь, Женька пальцами другой руки достал разорванный пакет — Вообще то не вся еще... — Ну и порядок. Чего такого. А куртку Людка твоя постирает. — Будем надеяться, — Женька посмотрел на пакет и тряхнул головой. — Ну ладно, делать нечего. Он подставил рот под дыру, сжал пакет ладонями. Жидкая норма потекла в рот. — Жек! Мож я сбегаю пока? А то закроют. — Давай. — Чего брать то? Пузырь или краснуху? — Пузырь. Сергей повернулся и бодро зашагал к магазину. Женька высосал из пакета норму и, скомкав, приложил его к пылающей брови. Моргать было больно, висок онемел, бок слабо ныл.

Вовка жевал котлету: — Mam, а зачем ты кашки ешь? — Это не кашка. Не говори глупости. Сколько раз я тебе говорила? — Нет, ну а зачем? — Затем, — ложечка быстро управлялась с податливым месивом. — Ну, мам, скажи! Ведь не вкусно. Я ж пробовал. И пахнет кашкой. — Я кому говорю! Не смей! Юля стукнула пальцем по краю стола. — Да я не глупости. Просто, ну а зачем, а? — Затем. — Ну, мам! Ведь не вкусно. — Тебе касторку вкусно было пить? Или горькие порошки тогда летом? — Не! Гадость такая! — Однако, пил. — Пил. — А зачем же пил, если не нравилось? Не сыпь на колени, подвинься поближе... — Надо было... Живот болел. — Вот. И мне надо. — Зачем? — Ты сейчас еще не поймешь. — Ну, мам! Пойму! — Нет, не поймешь. Юля доела норму, запила водой и стала есть из одной сковороды с Вовкой. — А может пойму, мам! — Нет. — Ну это, чтоб тоже лечиться от чегонибудь? — Не совсем. Это сложнее гораздо. Вот когда во второй класс пойдешь, тогда расскажу. — Аааа, я знаю! Это как профилактика? Уколы там, перке разные? Эт тоже больно, но все делают. — Да нет... хотя может быть... ты ешь лучше, не зевай... — А я когда вырасту, тоже норму есть буду? — Будешь, будешь. Доедай рис. — Не хочу, мам. — Ну, не хочешь — не надо, — Юля поставила полупустую сковородку на плиту, налила чаю. — Бери пирожное. Вовка взял, откусил, подул на чай и осторожно отпил.

Здравствуйте Мартин Алексеевич! Я только что закончил с огурцами и вскопал ещё в правом углу и вдоль кустов смородины там. Там всё хорошо земля хорошая на штык берётся хорошо. Надо там посадить кабачки в этом году потому как прошлый раз мы сажали их взад а там днём то тень а только вечером да утром солнце а теперь надо чтоб солнце всегда было. А тут его много. Покапал а после повозил торфа и опять не повезло — задел ногой за штырь что возле тераски и как раз по тому месту. Заболела и я бросил. Думаю что пройдёт. А тут торф к Кудряшовым завезли и я видел как они втроём быстро его повозили. Что ж у них помогать есть кому. Люди дружные. Это у нас я один тут колушаю как жопа а больше и нет никого. Вот как. Старый человек работает а они только жопой вертят и пьют а после приедут поедят насрут и всё. Вот как у них. Да и вы тоже нет чтоб приструнить их вы вон тоже с ними заодно. Вы вон клубничку то любите а не знаете и как усы обрезать да как что. А есть её любите, да и картошечку тоже с маслом. А помочь мне не помогаете видно я рожей не вышел. Конечно как же! Я ведь пиздить про науку не умею я в деревне родился а вы городской вы вон всё анекдотики травите а не то что. Всё шуточками отшучивайтесь у вас это вон как. А тут не шуточки вон нога то болит и всё. А вы все шуточки хуюточки. Вы всё погадить на меня а я работай! Вот как. Они посрут поедят а я работай на них ноги ломай. Я и так раненый у меня вон правая как изрешечена непонятно как ходит а они клубничку едят и срут на меня. Вот как. Хорошо получается я работай а вы поели и привет а я тут торф вози за вас за всех. Да я может такой же больно как и вы даже почище. Вы вон таблетки хуетки а меня и может и таблетки то не берут у меня вон голова гудит как мотор вон давление а от гадостей от ваших кровь к глазам подступает и не вижу ничего убил бы вас ёбаных. Вы вон срете бляди гадские а мы тут с Машей два инвалида на вас работаем на блядей а вы только срёте да жрёте а мы горбатимся да ползаем тут как что. Я вас выведу бляди гадские! Я вам напишу во все края чтоб вас просветили! Вы попрыгаете с вашими пробирками гадскими. Вы на нас как на собак смотрите а мы значит не люди и только работать а вы срёте и всё! Нет я на вас напишу в цека чтоб вас там просветили. Вы не учёные а гады фашистские вот что. Вас растреливать надо говно вы гады вот что! Вы на нас совсем как не людей смотреть хотите а я не собака вам чтоб на меня срать я ещё может почище вашего на вас напишу и всё общественность на вас подниму.

Я вам покажу как издевать над нами а мы не люди. Вы срать на нас а мы тоже напишем и общественность будет вас просветить. Вы на нас как хотите а мы тоже учёные. Вы не учёные вы говна сраные а не что вы гадить можете а не что! Вы срать хотели а мы тоже найдём и не будем ничего вот как! Ты срал а я на вас найду чтоб больше ничего не срали на нас! Я на вас подниму чтоб вас просветили и больше чтоб не гадили а я пропишу надо таких показывать чтобы не могли вас гадить не могли на нас! Я вам гадить не позволю вы не профессор а дрисня говна вот что. Вы только срали а я тоже фронтовик. Я вас выведу. Вы тоже не можете как полагается то. Вы срали а я значит молчи. Вы вот что гады ёбаные чтобы только срали срали а мы работай. Вот как срали а мы работаем тут как собака а вы не можете. Вы не можете на гады вас срать только. Ёбаные гады срали только а мы пахай. Вот как а они клубнику только жрать а мы пахай. А я тоже ветеран и не вот так пахать чтоб срали а мы работай а они срать нам в душу гады. Я буду писать чтоб уничтожили и всё и я не профессор а вы говно сраное хуй дрисный! Вы на нас как на собак а мы на вас чтоб вас не были больше и уничтожить. Ты не профессор а ты нас срал а мы скажем что хуесор ёбаный срал и мы напишем. Ты хуесор а мы вас не позволим срать гады. Мы не срать а вы нас гады молчите. А мы не просветить мы гады блядские срали на нас. Мы вас хотите просто гадить и жрать а мы тут просветить чтобы общественность. А вы нас просро нас гадить не срать нам. Вы нас не можете просветить а мы гадили на нас а мы работать не могол нас посрать а мы не бляди и торф не сраный гад.

День опричника

...Сплетаемся в объятьях братских. Крепкие руки крепкие тела обхватывают. Целуем друг друга в уста. Молча целуем, по-мужски, без бабских нежностей. Целованием друг друга распяем и приветствуем. Банщики между нами суетятся с горшками глиняными, мазью гатайской полными. Зачерпываем мази густой, ароматной, мажем себе уды. Снуют бессловесные банщики аки тени, ибо не светится у них ничего.

— Гойда! — восклицает Батя. — Гойда-гойда! — восклицаем мы.

Встает Батя первым. Приближает к себе Воска. Вставляет Воск в батину верзоху уд свой. Кряхтит Батя от удовольствия, скалит в темноте зубы белые. Обнимает Воска Шелет, вставляет ему смазанный рог свой. Ухает Воск утробно. Шелету Серый заправляет, Серому — Самося, Самосе — Балдохай, Балдохая — Мокрый, Мокрому — Нечай, а уж Нечаю липкую сваю забить и мой черед настал. Обхватываю брата левокрылого левою рукою, а правой направляю уд свой ему в верзоху. Широка верзоха у Нечая. Вгоняю уд ему по самые ядра багровые. Нечай даже не крикает: привык, опричник коренной. Обхватываю его покрепче, прижимаю к себе, щекочу бороною. А уж ко мне Бубен пристраивается. Чую верзохой дрожашую булаву его. Увесиста она — без толчка не влезет. Торкается Бубен, вгоняет в меня толстоголовый уд свой. До самых кишок достает махина его, стон нутряной из меня выжимая. Стону в ухо Нечая. Бубен кряхтит в мое, руками молодецкими меня обхватывает. Не вижу того, кто вставляет ему, но по кряхтению разумею — уд достойный. Ну, да и нет среди нас недостойных — всем китайцы уды обновили, укрепили, обустроили. Есть чем и друг друга усладить, и врагов России наказать. Собирается, сопрягается гусеница опричная. Ухают и кряхтят позади меня. По закону братства левокрылые с правокрылыми чередуются, а уж потом молодежь пристраивается. Так у Бати заведено. И слава Богу...

По вскрикам и бормотанию чую — молодых черед пришел. Подбадривает Батя их:

— Не робей, зелень!

Стараются молодые, рвутся друг другу в верзохи тугие. Помогают им банщики темные, направляют, поддерживают. Вот предпоследний молодой вскрикнул, последний крякнул — и готова гусеница. Сложилась. Замираем.

— Гойда! — кричит Батя. — Гойда-гойда! — гремим в ответ.

Шагнул Батя. И за ним, за головою гусеницы двигаемся все мы. Ведет Батя нас в купель. Просторна она, вместительна. Теплою водою наполняется, вместо ледяной.

— Гойда! Гойда! — кричим, обнявшись, ногами перебирая. Идем за Батей. Идем. Идем. Идем гусеничным шагом. Светятся муде наши, вздрагивают уды в верзохах. — Гойда! Гойда!

Входим в купель. Вскипает вода пузырями воздушными вокруг нас. По муде погружается Батя, по пояс, по грудь. Входит вся гусеница опричная в купель. И встает.

Теперь — помолчать время. Напряглись руки мускулистые, засопели ноздри молодецкие, закряхтели опричники. Сладкой работы время пришло. Окучиваем друг друга. Колышется вода вокруг нас, волнами ходит, из купели выплескивается. И вот уж подступило долгожданное, дрожь по всей гусенице прокатывается. И:

— Гойда-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!! Дрожит потолок сводчатый. А в купели — шторм девятибалльный. — Гойда-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!! Реву в ухо Нечая, а Бубен в мое вопит: — Гойда-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Господи, помоги нам не умереть... Неописуемо. Потому как божественно. Райскому блаженству подобно возлежание в мягких лонгшезах-лежаках после опричного совокупления. Свет включен, шампанское в ведерках на полу, еловый воздух, Второй концерт Рахманинова для фортепиано с оркестром. Батя наш после совокупления любит русскую классику послушать. Возлежим расслабленные. Гаснут огни в мудях. Пьем молча, дух переводим.

Мудро, ох мудро придумал Батя с гусеницей. До нее все по парам разбивались, отчего уже тень разброда опасного на опричнину ложилась. Теперь же парному наслаждению предел положен. Вместе грудимся, вместе и наслаждаемся. А таблетки помогают. И мудрее всего то, что молодежь опричная завсегда в хвосте гусеницы пихается. Мудро это по двум причинам: во-первых, место свое молодые обретают в иерархии опричной, во-вторых, движение семени происходит от хвоста гусеницы голове, что символизирует вечный круговорот жизни и обновление братства нашего. С одной стороны, молодежь старших уважает, с другой — подпитывает. На том и стоим. И слава Богу"...

Сердца четырех

Девушка вскрикнула. — Не бойсь, больно не будет, — Коля расстегнул ее черную юбку.

— Я беременна! — заплакала девушка.

— То то я смотрю, живот... — Коля дернул юбку.

— У меня мать больная, ребята, отец инвалид! Вы меня отпустите?

— Отпустим, — кивнул док, роясь в инструментах.

— Ваш... этот сказал — поедем и отпустим, а ребенка не заденем... ребята, я денег пришло! — зарыдала она.

— Поедем и отпустим, это точно. Ребенка не заденем. **Это я гарантирую.** Давай, — док подошел к столярному станку. Коля подволок голую девушку, они быстро зажали ее голову в деревянный тиски. Она громко закричала.

— Да не бойсь ты, не больно ведь, — Коля слегка ослабил зажим.

Док приложил к затылку девушки электрорубанок, включил.

Девушка завизжала. На пол посыпалась костная стружка.

— Все, все, — он выключил рубанок, осмотрел отверстие в затылке и стал расстегивать брюки. Девушка визжала, кровь тонкой струйкой протекла по ее спине.

Док приспустил брюки, стянул трусы и направил свой напрягшийся член в отверстие: — Милая...

Член вошел в череп девушки, выдавив часть мозга. Девушка замычала, засучила голыми ногами.

— Милая, милая, милая, — док задвигался, облокотившись на станок. Девушка мычала. Кровь и мозговое вещество стекали по спине. Ноги ее судорожно задергались, в промежности показалась кровь, она выпустила газы.

— Милая, милая, ми и ила а ая, — застонал док, прижимаясь лицом к станку.

— Мы едем наверняка, — улыбнулся Коля, перебирая инструменты. Док громко застонал и замер.

Девушка молча дергалась. Док приподнялся, член его с чмокающим звуком вышел из черепа. Он подошел к табуретке, на которой стояла кастрюля.

Коля подал ему обмылок и скупно полил воды из бутылки.

— Ой, ой... — вздохнул док, неторопливо обмывая член.

Одиннадцать человек подняли квадратную бетонную плиту и положили на Машу и Марину. Шестнадцать человек поднесли и поставили на плиту массивный негоряемый шкаф. Штаубе подсадили, он влез на шкаф, выпрямился, опираясь на палку. Все стихли. Штаубе вынул из кармана кителя бумажку, развернул, посмотрел, потом скомкал и бросил.

— Вот так, — устало произнес он, опершись обеими руками на палку, — на одной ноге, с подпоркой...

Знаете, нам трудно представить современную жизнь без резины, без каучука. Мы носим прорезиненные плащи и резиновые галоши, пользуемся резиновыми шлангами и прорезиненными водолазными костюмами. Без каучука не могут существовать автомобильный транспорт, авиация, электротехника, машиностроение. Каучук — это шины, изоляция проводов, баллоны аэростатов, тысячи, тысячи

незаменимых вещей. С другой стороны — многолик мир синтетических смол. И, пожалуй, одни из самых удивительных среди них — ионообменные смолы, или просто иониты... — он помолчал, сосредоточенно нахмурившись, провел рукой по лицу. — Кто из нас, стоя у карты, не мечтал; хорошо бы поехать на

Кавказ, в Арктику, в Антарктиду, в пустыню Каракум, или, например, в Кельн. Конечно, это очень интересно. Но познакомьтесь с биографиями великих путешественников и вы узнаете, что они задолго до

дальних экспедиции много путешествовали по своим местам. В родном краю, в котором на первый взгляд все известно, всегда окажется много нового и интересного для исследователя. Главное в путешествии — это умение видеть и наблюдать. Например, здесь неподалеку на столбе у автобусной остановки висит

объявление: "Молодая семья снимет квартиру за хорошую плату. Порядок и чистоту гарантируем.

Телефон: 145 18 06". И я вспомнил Дмитрия Ивановича Менделеева. Органическая геология —

удивительная наука. Она скромная, скромнейшая труженица. Или генерал-лейтенант Карбышев.

Отважного советского генерала фашистские звери пытали в застенках многих концлагерей. В ночь на 18 февраля 1945 года фашисты вывели его во двор тюрьмы в лагере Маутхаузен и при двенадцатиградусном морозе обливали холодной водой до тех пор, пока тело советского патриота не превратилось в глыбу льда.

Или поздний триас, брахиоподы, коммунистический инвентарный номер... как, собственно, и то, что по

мере приближения температуры любого тела к абсолютному нулю изменение его энтропии, при

изменении его любого свойства, тоже стремится к нулю. Но... нет!!! Нет!!! Не-е-ет! Ебаны! Не-ет! Она

хлюпала! Пиздой своей вонючей! Когда варили живьем ее троих детей! Живьем! Так полагают

измененное? Нет?! Я спрашиваю вас! Так полагают про общее? Про сваренных детей?! Про ебаную? Как?

Не слышали? Антонина Львовна Мандавошина! Трясла мандой сначала под Харьковом! Потом на

Волоколамском направлении! Потом в столице нашей Родины городе-герое Москве! Жевала говно лет

двадцать в комитете блядских, ссанных, сраных, хуесосовых советских матерей-дочерей! Трижды тридцать

три раза распроебанных! Задроченных до крови! Она показывала свою кислую, лохматую, червивую пизду!

Медали, блядь! Ордена! Звания и заслуги! Почет, блядь! Уважение! Да я срал и ссал на твой горб! Я срал

Пиздою диких псов
Она неспешно станет,
Тугую завязь снов
Лучом тяжелым ранит.

В пизде подробных гор
Движенья ужас ожил,
Долин слепой простор
Лавиной потревожил.

Уставший слушать бор
Пиздой гнилых скворешен,
Как рыцаря убор,
На крепости подвешен.

Растет пизда домов,
Дворов и переулков,
Пизда литых мостов
И виадуков гулких.

Задумалась пизда
Полуприкрытых ставен,
Ее узор всегда
Тяжел и музыкален.

Рояль, как антрацит,
Застыл пиздою черной.
Он в сумраке блестит
Плутроном непокорным.

Огонь какой пизды
Проступит новой раной?
От лезвия звезды
Он ускользнет, упрямый.

Взойдет пизда путей,
Раскроются бутоны,
Нет места для гостей,
Все полночи — бессонны.

Пизда больных ветров,
Оплавленных огарков,
Распиленных дубов
Пиздой накрытых парков.

Магистр взял диктофон, посмотрел, подошел к прессу, положил на станину и нажал красную кнопку. Пресс опустился, диктофон затрещал. Когда пресс поднялся, магистр снял со станины расплющенный в пластину диктофон, подошел к измельчителю, бросил в заборник пластину, включил мотор и поставил регулятор измельчения на минимальный размер. Измельчитель заработал с оглушительным шумом, и вскоре под его барабаном на поддоне выросла кучка серебристо-серых опилок.

— Это не пыль, конечно. Но почти, — рассеянно произнес магистр, ища что-то глазами. — Подожди... а где теперь сахарница?

— Возле расточного станка, господин магистр, — ответил один из работников.

Магистр подошел к сахарнице, зачерпнул из заборника горсть сахара, бросил на поддон измельчителя и пальцем перемешал с опилками:

— Обыкновенная ложка найдется в нашей славной лаборатории?

Работник подал стеклянную ложку.

Магистр вытер ее о борт своего белого пиджака и передал Андрееву:

— Ешь.

Андреев зачерпнул с поддона и стал жевать.

Появился работник с формой — плоским ящиком из золота. Магистр сложил в ящик куски голубого сала, поставил на подиум сахарницы, дернул рычаг. Загудел нагреватель, запахло леденцами, и вязкая струя жженого сахара потекла в ящик.

— Все уверены, что человек — это альфа и омега всего сущего! — засмеялся магистр и покосился на Андреева.

Андреев черпал ложкой с поддона, жевал и глотал.

— Далее Позорная Гнилая Троица подняла три разных руки своих и указала перстами на привезенную землю поволжскую и рекла: «Вот, братие северяне, земля истинно достойная Великого Наследия, ибо входят в нее хуи российских землеёбов, как нож в масло коровье. Тепла, податлива и благодатна Земля Поволжская, всем жаждущим дает, всех страждущих привечает, всех скорбящих утешает. Ждет она вас,

заблудших, на севере студеном обретающихся, кореньями да ягодой пропитающихся, о сопки каменистые свои хуй ломающих ради упрямыства своего. Приидите же к нам в пещеры теплые и просторные, в место Посев, что близ Урюпинска, вонзите замозолевшие хуй свои в Теплую Землю Единства Нашего, встаньте под начало Сочника и Землелюба Василя Битко, возложите на хуй его алмазный наконечник, на муде его рубиновые сферы, на плечи его шкуру медвежью, и да обнимемся мы все под сенью его жезла Великого Магистра». На что отец Андрей Утесов ответил...

— Что же ответил Гнилой Троице землеед отец Андрей Утесов? — спросил Вил.

Все воспитанники подняли руки. Детки улыбнулись.

— Брат Сергей Панитков! — скомандовал Вил.

— На что отец Андрей Утесов обнажил десятивершковый хуй свой, лег на Дающий Холм и проебал три раза подряд родную сибирскую землю с криком и уханьем. Затем встал он и рек: «Братие! Только что на глазах ваших три раза испустил я семя свое в Землю Восточной Сибири, в Землю, на теле которой живем мы, спим, дышим, едим, срем и мочимся. Не мягка, не рассыпчата Земля наша — сурова, холодна и камениста она и не каждый хуй в себя впускает. Посему мало нас осталось, а слабохуи сбежали в земли теплые, всем доступные. Земля наша хоть и камениста, да любовью сильна: чей хуй в себя впустила — тот сыт ее любовью навек, того она никогда не забудет и от себя не отпустит. Так скажу вам: кто хочет — ступай себе в теплые земли, не держу я здесь никого, так как братья мы, а не невольники. Только мне другой земли не надо — здесь ебал, здесь ебу, здесь ебать буду до червя могильного».

Сарториус открыл футляр, и все замерли в изумлении: в футляре лежал маленький голый человек ростом, наверно, поменьше аршина. Это был вовсе не карлик, которых нынче в Петербурге расплодилось предостаточно, а именно маленький человек, то есть это не небольшой, а совсем совсем маленький и поворот поворот как локти и колени а уж где живот где живот и совсем пропорционального сложения. Он лежал в своем футляре как в гробу, закрыв глаза.

Но едва Сарториус взял его за руку, лилипут открыл глаза, огляделся и улыбнулся всем странной, чрезвычайно доброй и проникновенной, но и болезненной улыбкой. Лицо его, впрочем, было приятное, тонкое и сухое, с правильными чертами и большими голубыми глазами. Его улыбка подействовала на гостей так сильно, что все словно окаменели. Лилипут же подождал минуту-другую и произнес тихим, вкрадчивым голосом:

— Сошьемся вместе, братья и сестры.

И в тот же миг немцы запустили свою машину, и все ее механизмы пришли в движение, а гости как замороженные пошли к ней. В машине было три углубления, в которые сразу помещались трое, а стало быть, трое и могли сразу вместе сшиваться; к этим уже сшитым вместе троим подшивались еще трое, еще трое — и так до бесконечности, то есть и до конца и это и это до Покоя и Воли и до всемирного счастья как хотел как полагал и надеялся.

— Я настоятельно прошу всех обратить внимание на иглы! — возопил граф, пришедший в сильнейшее возбуждение. — Это что-то потрясающее, прямо настоящее... это невероятно... *c'est curieux, ma parole...* иглы иглы так и все все все полые изнутри но крепчайшие прочнейшие тончайшие-с но чрезвычайно проворно как шелковый червь и внутри внутри напичканы опиум-с и даже не опиум а опиумный бальзам и позволяет сквозь отверстия мельчайшие отверстия сочиться просачиваться в кровь и облегчать боль во время шивания и даже даже не боль приятное чрезвычайно приятное ощущение! Я хочу быть в первой тройке! Кто со мной?

— Я с вами, граф, — быстро откликнулся вмиг протрезвевший Баков.

— И я, — выступила вперед из толпы Лариса.

Они встали рядом в углубления, и машина тут же сшила их вместе. С радостными слезами на глазах вышли они из углублений и неловко, как бы ухась ходить заново, двинулись по гостинной.

Хрущев медленно раздевал Сталина, лежащего на огромной разобранной кровати. В спальне графа было светло — три канделябра освещали стены, обитые сиреневым шифоном, с тремя большими портретами в резных позолоченных рамах. На центральном серо-розово-голубом, кисти Пикассо, была изображена Лариса Рейснер, сидящая в золотой ванне с молоком; на висящих симметрично по бокам — Сталин и Ленин, написанные Бродским в классическом стиле, в красно-коричнево-синих тонах. Из радиоприемника приглушенно доносилась трансляция оперы Амбруаза Тома «Миньон». В камине потрескивали березовые поленья.

— Этот запах твоего одеколона... — Сталин гладил смуглую скулу Хрущева. — Я еще не устал сходить от него с ума.

— Я рад, мальчик мой, что хоть чем-то способен удивить тебя, — Хрущев полностью расстегнул сорочку Сталина, раздвинул своими волосатыми цепкими руками нежнейший шелк и припал губами к безволосой груди вождя.

— Мое чувство к тебе, *mon ami*, не похоже ни на что, — закрыл глаза Сталин. — Это... как страх.

— Я понимаю, мальчик мой .. — прошептал Хрущев в маленький сталинский сосок и осторожно взял его в свои большие чувственные губы.

Сталин застонал.

Хрущев осторожно расстегнул ему брюки, сдвинул вниз полупрозрачные черные трусы, выпуская на

свободу напрягшийся смуглый фаллос вождя. Послунив пальцы, граф принялся ими нежно тереть сосок Сталина, а сам двинулся губами вниз по телу вождя - к наливающемуся кровью фаллосу.

- О... как часто я думаю о тебе... - бормотал Сталин. - Как много места занял ты в моей беспредельной жизни...

- Masculinum... - губы графа коснулись бордовой головки.

Сталин вскрикнул и схватил руками голову Хрущева. Губы графа сначала нежно, затем все плотоядной стали играть с головкой вождя.

- Спираль... спираль... - стонал Сталин, впиваясь пальцами в длинные серебристые волосы графа. Сильный язык Хрущева стал совершать по сталинской головке спиралевидные движения.

- Знаешь... милый... нет... сасге... я... но нет... кончик! кончик! кончик! - бился на пуховых подушках Сталин.

Язык графа осторожно коснулся кончика головки и стал раздвигать мочеточный канал.

- Но... нет... не давай! Не давай мне! - закатывал глаза Сталин.

Хрущев сильно сжал подобранные яйца вождя.

- Чтобы не хлынуло... ооо... прикажи! Прикажи мне по-старому! Но нежно! Только нежно!

- Дай мне попochку, сладкий мальчик мой, - мягко приказал Хрущев, цепко держа Сталина за яйца.

Всхлипывая, Сталин перевернулся на живот:

- Мальчик боится... поцелуй спинку...

- Поцелуем мальчика в спинку... - Хрущев сдвинул сорочку со сталинских плеч и стал покрывать их медленными поцелуями.

Сталин стонал в подушку.

Хрущев поцеловал его в засос между лопаток, дотянулся губами до уха, прошептал:

- Чего боится мальчик?

- Толстого червяка... - всхлипывал Сталин.

- Где живет толстый червяк?

- У дяди в штанах.

- Что хочет червяк?

- Ворваться.

- Куда?

- Мальчику в попку.

Хрущев расстегнул свои брюки, достал длинный неровный член с бугристой головкой, на блестящей коже которой был вытатуирован пентакль. Граф плюнул себе в ладонь, смазал плевком анус Сталина и, навалившись сзади, мягкими толчками стал вводить свой член в вождя.

- Ты уже... дядя... нет... по-нежному! по-нежному! - забормотал Сталин.

- Сладкий мой оловянный солдатик... - шептал Хрущев ему в ухо,

- Зачем... мучения... ооо... зачем людям это... - кусал губы Сталин.

- Чтобы забывать... чтобы все забывать, мальчик мой... Член графа целиком вошел в анус Сталина.

Сжимая левой рукой яйца вождя, граф взял правой рукой его за член и стал не быстро мастурбировать.

- Ты... это... ты... - замычал Сталин. - Что дядя делает с мальчиком?

- Дядя ебёт мальчика в попку, - жарко шептал Хрущев.

- Как? Как? Как?

- Сладко...

- По приказу? Ведь по приказу же... по четкому...

- По четкому приказу.

- Дядя приказал? - всхлипывал Сталин.

- Приказал. Четко приказал...

- И еще прикажет?

- И еще прикажет... сотни миллионов раз прикажет дядя мальчику...

- Что? Что? Что?

- Прикажет... но не сразу...

- Как? Как? Как?

- Постепенно... постепенно... постепенно...

- Но... но... мальчик уже... мальчик уже...

- Что, мальчик?

- Мальчик готов... он уже... уже...

- Будет приказ... будет приказ...

- Мальчик уже... мальчик уже... подноси! Подноси, вредитель!

Обнимая сзади Сталина, Хрущев перевалился с ним на бок на край кровати.

- Аджуба! - срывающимся голосом позвал граф. Появился Аджуба с золотым потиром, украшенным шестью крупными сапфирами. Опустившись на колени возле кровати, он подставил потир под багровый член Сталина.

- Приказ мальчику: кончай! - прорычал Хрущев. Они кончили одновременно, с криками и стонами.

Аджуба ловил потиром густые порции сталинской спермы.

- Не поехал! Не поехал! - закричал Сталин высоким голосом.

- Да! Да! Да! - рычал граф, дергаясь всем телом и вгоняя член в трепещущий зад Сталина.

Когда агония оргазма спала, любовники замерли в полубомороке.

Аджуба продолжал держать потир, внимательно наблюдая за вянущим, роняющим последние мутные капли членом Сталина.

- Вечное возвращение... симбиоз... - пробормотал Сталин и засмеялся.

- Я люблю тебя, - устало прохрипел Хрущев в напомаженные волосы вождя.

Сталин взял его руку, поднес к губам и поцеловал. Хрущев стал осторожно вынимать свой член из ануса

вождя.

– Останься, прошу тебя, – Сталин целовал его костистые пальцы со слишком выпуклыми ногтями. – Твоя сперма горячая. Как лава. Ее невероятно приятно чувствовать внутри себя...

Землянка

Пухов: А я вот про пот все думал. Хорошо ведь, когда все для человека... когда люди живут хорошо...

Соколов: А что ж... пот, мороз, ебаться — тоже приятно...

Волобуев: Ебля... ебля иной раз получше выпивки...

Денисов: Я еб всего одну. И про пот тогда и не помнил. (Смеется.)

Соколов: А хули помнить... еби — и все тут... (Закуривает.)

Рубинштейн: Морозом тоже не прикроешься... ебля помогает.

Волобуев: Точно.

Пухов: А я многих в деревне поеб... Ебаться бабы любят.

Денисов: А как же. Только не на морозе.

Волобуев: Пот тоже не помеха. Еби и ни о чем не думай.

Пухов: Ничего, вот переживем и всех опять ебать будем.

Денисов: Тут вот... ебанный только мороз...

Волобуев: Мороз, что мороз...

Пухов: Я знаю, когда люди охуительно потеют. Когда боятся.

Рубинштейн: Да. Это верно.

Пухов: Бздят и потеют. А иногда и мерзнут.

Соколов: Померзнуть иногда полезно.

Волобуев: Не всегда. Говно, блядь, не мерзнет. Вернее, хотел сказать — не потеет.

Денисов: Не потеет.

Волобуев: Говно — не человек. Хули ему потеть.

Роман

...Роман отошел вправо. Роман наклонился. Роман вложил себе в рот четыре пальца. Романа вырвало. Роман вложил себе в рот два пальца. Романа вырвало. Роман вложил себе в рот четыре пальца. Романа вырвало. Роман опустил на колени. Роман стал сгребать рвотные массы в кучу. Роман сгреб рвотные массы в кучу. Роман присел над кучей. Роман испражнился на кучу рвотных масс. Роман стал перемешивать кал с рвотными массами. Роман перемешал кал с рвотными массами. Роман зачерпнул пригоршню смеси. Роман намазал смесью кала и рвотных масс свой член. Роман встал на колени. Роман стал мастурбировать. Роман эякулировал в левую ладонь. Роман лег на спину. Роман стал пальцами заталкивать сперму себе в носовые проходы. Роман затолкал сперму в носовые проходы. Роман лег на живот. Роман подполз к смеси рвотных масс с калом. Роман стал есть смесь. Роман съел всю смесь. Роман стал вылизывать участок пола на месте смеси. Роман вылизал участок пола. Роман встал с пола. Роман подпрыгнул. Роман похлопал себя ладонями по щекам. Роман надул щеки. Роман хлопнул себя ладонями по щекам. Роман надул щеки. Роман хлопнул себя ладонями по щекам. Роман наклонился. Роман засунул себе указательный палец правой руки в задний проход. Роман вынул палец из заднего прохода. Роман засунул указательный палец правой руки себе в правую ноздрю. Роман облизал указательный палец правой руки. Роман присел на корточки. Роман помочился себе в ладонь. Роман вылил свою мочу себе на голову. Роман сел на пол. Роман разглядывал и трогал свои ноги. Роман зачерпнул кашицы с пола. Роман положил кашлицу себе на ноги. Роман растер кашлицу по ногам. Роман согнул ноги в коленях. Роман качал ногами. Роман лег на спину. Роман вытянул ноги. Роман поднял ноги. Роман запрокинул ноги себе за голову. Роман стал мастурбировать. Роман эякулировал себе на лицо...

Геологи

Авдеенко поставил пустую кружку на стол:

— Первый раз такие разногласия. Иван Тимофеевич, вы вот геолог опытный, двадцать пять лет в партиях. Уж вы-то, наверное, знаете, что делать.

— Наверное, поэтому и молчите, — улыбнулся Соловьев.

Иван Тимофеевич ответно улыбнулся:

— Поэтому, Петя, поэтому...

Он приподнялся, выбил трубку о край стола, убрал в карман и облегченно выдохнул:

— Значит, так. Как говорил мой земляк Василий Иванович Чапаев, на все, что вы тут наговорили — наплевать и забыть. Давайте-ка на кофейной гуще гадать не будем, а станем рассуждать по-серьезному. Оценивая сложившуюся ситуацию, мне кажется, что надо просто помучмарить фонку.

В наступившей тишине Алексеев качнул головой. По его лицу пробежало выражение восхищения:

— А ведь верно... как я не додумался...

Соловьев растерянно почесал затылок, тихо пробормотал:

— Да я, вообще-то... хотел то же самое...

Авдеенко одобрительно крикнул, шлепнув себя по коленке:

— Вот, орлы, что значит настоящий профессионал!

Потрепав его по плечу, Иван Тимофеевич вышел на середину избы, присел на корточки и костяшками пальцев три раза стукнул в оледенелый пол, внятно проговорив:

— Мысль, мысль, мысль, учкарное сопление.

Стоящие вокруг геологи хором повторили:

— Мысль, мысль, мысль, учкарное сопление.

Затем молодые геологи быстро встали рядом, вытянув вперед ладони и образуя из них подобие корытца. Иван Тимофеевич сделал им знак головой.

Геологи медленно наклонились. Корытце опустилось ниже. Склонившись над ним, Иван Тимофеевич сунул себе два пальца в рот, икнул, содрогаясь.

Его быстро вырвало в корытце из ладоней.

Отдышавшись, он достал платок и, вытерев мокрые губы, проговорил:

— Мысль, мысль, мысль, полокурый вотлок.

Не меняя позы и стараясь не пролить на пол густую, беловато-коричневую массу, геологи внятно повторили:

— Мысль, мысль, мысль, полокурый вотлок.

Иван Тимофеевич улыбнулся и облегченно вздохнул.

В печке слабо потрескивали и с шорохом разваливались прогоревшие поленья.

За маленьким окошком свистела таежная вьюга.

Кисет

Я помню утром команду дали всех построили Соловьев приказал зачитать каждому в руки по лопате и вперед копаем копаем а там все стена да стена часа четыре прокопали пока торец показался ну тут Соловьев рукой махнул перекур сели покурили поели у кого что было потом опять копать копаем наконец другой торец выглянул подвели двадцать шесть домкратов покачали поднялась еще покачали еще поднялась саперы бревна всунули нажали кропфофу стали открывать а там замки замки пришлось спиливать только потом открыли и поползло из-под нее это Степа страшно сказать целые тонны вшей я такого никогда не видел просто волны целые и все по руслу копанному идут и тут Соловьев кричит помпы помпы так вас перетак Жлуктов с прапором запустили и давай качать а они шуршат как не знаю что как песок что ли или нет не как песок а как пыль что ли и пахнет так я и не знаю как это сказать ну пахнет вшами в общем и это прямо так неожиданно было я и не знал и Сережка тоже не знал.

Так что, в соответствии с упомянутым, мы положим правильное:

Молочное видо будем учитывать как необходимые белила.

Гнилое бридо — коричневый творог.

Мокрое бридо — плесень подзалупная.

А кисет?

С кисетом было трудненько, мил человек.

Как ходили к Богу очкарик и солдат. Притча.

осадила хлебом
подарит водой

в сапогах по небу шел второй истец
гвардии гражданский в полевых штанах
штаб-пехоты съехал сверток в орденах
запаха победы пальцы нахамят
наколдуют мяты захватив с собой осужденных верой на дороге той

первый был очкарик с искренним в стекле: заслужу ли пулю во втором бое? или ворон клюнет, вышибет из глаз то что я не вижу в неоправный час? или будет пытка и полынь-трава, или мне до матки не хлебать вина, или я преступник или враг чужак как квартиросъемщик на моих глазах (-б)?

зажигал фонарик мудрый старый бог спотыкая в камень злобность и хранит что верность в злой стране бегала рекая томная по мне я промок от люда - выбросил в ведро безымянный первого - указу твоего в знаках темень корчилась и в последний час выронил фонарик что так мучил нас

не было ни згинки не найти ответ что там за паутинки лик его хранит

переполнит чашу окрапит опять
и не будет капать чтоб дождливым стать

Как под зад колено. Элегия.

стражей у императора подлый обман
не блью пятого
слонялся средь ночи ломился в гортань поруганный ветер
и я - в стороны чтобы её утешить:
в госудастве уродов трудно -
стану порядочным под утро
подожди

я отдавал полмира ради одного единственного колена
пусть даже холодно и усиливает убожество культя
в дожди эти ебаные нагрудные знаки

жалуюсь на возраст ветшаю

а она: в пруду трегрошковые рыбы

тяну на полтину

пожалей обо мне, серый дым

в королевстве уродов очереди в номерах,

её волосы с запахом эстрагона и предсмертной тоской ближайшим на перекреске полицейским

и я плакал забываясь воспоминаниями о штрафе

был пьян и гол

толчая неразумна и я окончил лучшую в мире уродов школу чтобы на титульном листе вспомнить об

аромате чая шляпой за приличную цену в сопровождении внука махать

чтобы сердце из уважения к доходам не падало

чтобы оно в быстром темпе на основе ликования всех граждан сосчитало рыбы в пруду и не белело

мертвое холодное как студень цвета неожиданной здесь куркумы от едаственного колена

его высочайшее величество в предсмертной церемонии на скакуне с рыжей прядкой

излечивался увечьем

ПИР. Настя

Настя неуверенно подошла к лопате. Отец и Савелий подхватили ее, положили спиной на лопату.

— Ноженьки-то вот так... — Белесыми морщинистыми руками повар согнул ей ноги в коленях.

— Прижми руками, — склонился отец.

Глядя в тронутое перьями облаков небо, Настя взяла себя за колени, прижала ноги к груди. Повар стал пристегивать ее цепями к лопате.

— Полегшей-то... — озабоченно подняла руки няня.

— Не бойсь, — натягивал цепь Савелий.

— Настенька, выпростай косу, — посоветовала мать.

— Мне и так удобно, тамап.

— Пускай лучше под спиною останется, а то гореть будет, — хмуро смотрел отец Андрей, расставив ноги и теребя руками крест на груди.

— Настенька, вы руками за цепи возьмитесь, — сутуло приглядывался Лев Ильич.

— Не надо, — нетерпеливо отмахнулся отец. — Их лучше — вот что...

Он засунул Настины кисти под цепь, охватившую бедра.

— То правда, — закивал повар. — А то все одно повыбьются, как трепыхать зачет.

— Тебе удобно, ma petite? — Мать взяла дочь за гладкие, быстро краснеющие щеки.

— Да, да...

— Не бойся, ангел мой, главное, ничего не бойся.

— Да, тамап.

— Цепи не давят? — трогал отец.

— Нет.

— Ну, Вечное в помощь тебе. — Отец поцеловал покрытый холодной испариной лоб дочери.

— Держи себя, Настенька, как говорили, — припала мать к ее плечам.

— С Богом, — перекрестил отец Андрей.

— Мы будем рядом, — напряженно улыбался Лев Ильич.

— Золотце мое... — целовала ее стройные ноги няня.

Савелий перекрестился, плюнул на ладони, ухватился за железную рукоять лопаты, крикнул, поднял, пошатнулся и, быстро семеня, с маху задвинул Настю в печь. Тело ее осветилось оранжевым. «Вот оно!»

— успела подумать Настя, глядя в слабо закопченный потолок печи. Жар обрушился, навалился страшным красным медведем, выжал из Насти дикий, нечеловеческий крик. Она забилась на лопате.

— Держи! — прикрикнул отец на Савелия.

— Знамо дело... — уперся тот короткими ногами, сжимая рукоять.

Крик перешел в глубокий нутряной рев.

Все сгрудилась у печи, только няня отошла в сторону, отерла подолом слезы и высморкалась.

Кожа на ногах и плечах Насти быстро натягивалась и вскоре, словно капли, по ней побежали волдыри.

Настя извивалась, цепи до крови впелись в нее, но удерживали, голова мелко тряслась, лицо превратилось в сплошной красный рот. Крик извергался из него невидимым багровым потоком.

— Сергей Аркадьич, надо б угольки шуровать, чтоб корка схватилась, — облизал пот с верхней губы Савелий. Отец схватил кочергу, сунул в печь, неумело поворошил угли.

— Да не так, Хоссподи! — Няня вырвала у него из рук кочергу и стала подгребать угли к Насте.

Новая волна жара хлынула на тело. Настя потеряла голос и, открывая рот, как большая рыба, хрипела, закатив красные белки глаз.

— Справа, справа, — заглянула в печь мать, направила кочергу няни.

— Я и то вижу, — сильнее заворочала угли та.

Волдыри стали лопаться, брызгать соком, угли зашипели, вспыхнули голубыми языками. Из Насти потекла моча, вскипела. Рывки девушки стали слабнуть, она уже не хрипела, а только раскрывала рот.

— Как стремительно лицо меняется, — смотрел Лев Ильич. — Уже совсем не ее лицо.

— Угли загорелись! — широкоплече суетился отец. — Как бы не спалить кожу.

— А мы чичас прикроем, и пушай печется. Теперь уж не вырвется, — выпрямился Савелий.

— Смотри, не сожги мне дочь.

— Знамо дело...

Повар отпустил лопату, взял широкую новую заслонку и закрыл печной зев. Суета вмиг прекратилась. Всем вдруг стало скучно.

— Тогда ты... того... — почесал бороду отец, глядя на торчащую из печи рукоять лопаты.

— За три часа спекётся, — вытер пот со лба Савелий.

Отец оглянулся, ища кого-то, но махнул рукой:

— Ладно...

— Я вас оставляю, господа, — пробормотала мать и ушла.

Няня тяжело двинулась за ней.

Лев Ильич оцепенело разглядывал трещину на печной трубе.

— А что, Сергей Аркадьевич, — отец Андрей положил руку на плечо Саблина, — не ударить ли нам по бубендрасам с пикенцией?

— Пока суть да дело? — растерянно прищурился на солнце Саблин. — Давай, брат. Ударим.

Железная рукоять вдруг дернулась, жестяная заслонка задребезжала. Из печи послышалось свиное уханье. Отец метнулся, схватил нагревшуюся рукоять, но все сразу стихло.

— Это душа с тела вон уходит, — устало улыбнулся повар.

Неожиданно отец Андрей встал, подошел к Мамуту и замер, теребя пальцами крест.

— Дмитрий Андреевич, я... прошу у вас руки вашей дочери.

Все притихли. Мамут замер с непрожеванным куском во рту. Арина побледнела и уперлась глазами в стол.

Мамут судорожно проглотил, кашлянул.

— А... как же...

— Я очень прошу. Очень.

Мамут перевел взгляд оплывших глаз на дочь.

— Ну...

— Нет, — мотнула она головой.

— А... что...

— Я умоляю вас, Дмитрий Андреевич. — Отец Андрей легко встал на колени.

— Нет, нет, нет, — мотала головой Арина.

— Но... если вы... а почему же? — щурился Мамут.

— Умоляю! Умоляю вас!

— Ну... откровенно... я... не против...

— Не-е-е-ет!!! — завопила Арина, вскакивая и опрокидывая стул.

Но Румянцевы, как две борзые, молниеносно вцепились в нее.

— Не-е-е-ет! — дернулась она к двери, разрывая платье.

Лев Ильич и отец Андрей обхватили ее, завалили на ковер.

— Веди... веди себя... ну... — засуетился полный Мамут.

— Аринушка... — встала Саблина.

— Павлушка! Павлушка! — закричал Саблин.

— Не-е-е-ет! — вопила Арина.

— Полотенцем, полотенцем! — шипел Румянецв.

Вбежал Павлушка.

— Лети пулей в точилку, там на правой полке самая крайняя... — забормотал ему Саблин, держа ступни Арины. — Нет, погоди, дурак, я сам...

Саблин выбежал, лакей — следом.

— Арина, ты только... успокойся... и возьми себя в руки... — тяжело опустился на ковер Мамут. — В твоём возрасте...

— Папенька, помилосердствуй! Папенька, помилосердствуй! Папенька, помилосердствуй! — быстро-быстро забормотала прижатая к коврику Арина.

— От этого никто еще не умирал, — держала ее голову Румянцева.

— Арина, прошу тебя, — гладил ее щеку отец Андрей.

— Папенька, помилосердствуй! Папенька, помилосердствуй!

Вбежал Саблин с ручной пилой в руке. За ним едва успевал лакей Павлушка с обрезком толстой доски.

Заметив краем глаза пилу, Арина забилась и завопила так, что пришлось всем держать ее.

— Закройте ей рот чем-нибудь! — приказал Саблин, становясь на колени и закатывая себе правый рукав фрака.

Мамут запихнул в рот дочери носовой платок и придерживал его двумя пухлыми пальцами. Правую руку Арины обнажили до плеча, перетянули на предплечье двумя ремнями и мокрым полотенцем, Лев Ильич прижал ее за кисть к доске, Саблин примерился по своему желтоватому от табака ногтю:

— Господи, благослови...

Быстрые рывки масляной пилы, глуховатый звук обреченной кости, рубиновые брызги крови на ковре, вздрагивание Аришиных ног, сдавленных четырьмя руками.

Саблин отпилил быстро. Жена подставила под обрубки глубокие тарелки.

— Павлушка, — протянул ему пилу Саблин. — Ступай, скажи Митяю, пусть дрожки заложит и везет.

Пулей!

Лакей выбежал.

— Поезжайте к фельдшеру нашему, он сделает перевязку.

— Далеко? — Мамут вытащил платок изо рта потерявшей сознание дочери.

— Полчаса езды. Сашенька! Икону!

Саблина вышла и вернулась с иконой Спасителя.

Отец Андрей перекрестился и опустился на колени. Мамут с астматическим поклоном протянул ему руку

дочери. Тот принял, прижал к груди, приложился к иконе.
— Ступайте с Богом, — еще раз склонился Мамут.
Отец Андрей встал и вышел с рукой в руках.